

Глава 617: Лицом к лицу перед смертью ради жизни (Часть II)

В эти бесчисленные годы она видела много героев и возвышающихся личностей, полных духа и характера, или культурных и утонченных, или ценящих мир, или оплакивающих состояние мира и жалеющих судьбу человечества. Она видела бесчисленных гениев и экспертов, уважающих лишь себя, или стоявших отчужденно от мира, или наслаждающихся простой жизнью с женой и детьми. Среди этих людей лишь тот один человек когда-либо заставлял ее испытывать страх. Хоть она сейчас и достигла его уровня, даже если она часто демонстрировала выражение высмеивания или презрения на лице, вспоминая того человека, она была вынуждена признать, что даже сегодня имя этого человека приносило почти незаметную дрожь страха в ней.

Возможно, причиной этого было то, что, когда она встретила этого человека, она была просто наивной, оживленной и милой девочкой, которая ничего не знала о делах мира, тогда как он был верховным экспертом, который сидел высоко вверх, Сыном Небес, которому, хоть он и все еще был жив, было суждено быть записанным в анналах истории, как превосходным императором на протяжении веков?

«Император Тайцзун, ты уже мертв так много лет. Ты все еще не желаешь отдыхать в мире?»

Она подняла голову, чтобы взглянуть в место, где много лет назад существовала самая яркая звезда на небе. После вечного молчания она нахмурила брови.

.....

.....

Ночь ранней осени действительно была бесконечной, что с легкостью побуждало людей вспоминать их старых знакомых.

Когда Божественная Императрица Тяньхай думала об Императоре Тайцзуне, Чжоу Тун думал о бывшем директоре Ортодоксальной Академии, Шан Синчжоу.

Чжоу Тун был исключительно злым человеком, наслаждающимся страданием врагов и даже своих друзей, хотя кроме Сюэ Синчуаня у него не было никого, кого он бы действительно мог назвать другом. Это вовсе не означало, что он был маньяком, а лишь говорило о том, что у него были проблемы с головой. И наоборот, он был более трезвомыслящим и рациональным, чем подавляющее большинство людей мира, и это было истинным злом.

Для того, чтобы продолжать свою прекрасную жизнь, он должен был сохранять свой статус, должен был убедиться, что ничто не сможет пошатнуть нахождение Божественной Императрицы на имперском троне.

Теперь, казалось, что человеком, который наиболее вероятно пошатнет власть Императрицы, был Чэнь Чаншэн.

Возможно, он умрет через несколько дней, но Чжоу Тун не стал бы рисковать, тихо ожидая, пока это случится.

Это была проблема, созданная Шан Синчжоу, Имперским кланом, и бесчисленными другими великими силами. Он думал, что уже нашел решение этой проблемы, но сперва он должен был найти саму проблему.

Пока он раздумывал, как решить эту проблему, он получал все больше и больше восхищения к Шан Синчжоу, в конечном счете даже чувствуя почтение.

Этот мир был миром сильных. Один человек мог контролировать шторм в одном направлении, один Святой мог сотрясти мир во всех восьми направлениях.

Шан Синчжоу полностью заслуживал титула эксперта, великого мастера, принадлежащего законной линии Ортодоксии. Хотя его репутация не была известной и он никогда не состоял в Штормах Восьми Направлений, все очень хорошо осознавали, что он определенно ступил в Божественный Домен, и его культивация была непостижимо глубокой. Но истинной причиной почтения Чжоу Туна были глубокое планирование и дальновидное мышление Шан Синчжоу.

В старом храме деревни Синин он воспитывал Чэнь Чаншэна пятнадцать лет. Не обучив его ничему, он отправил его в столицу, а затем написал Попу письмо.

Он все еще был жив. Изначально это было милосердием Попа к нему, но сейчас это стало его оружием. Что касается братства двух членов законной линии Ортодоксии, это, естественно, тоже было оружием. И Мэй Лиша, как представитель консервативной фракции Ортодоксии, старик, который всем сердцем желал, чтобы Имперский клан вернул имперский трон, возможно, уже давно знал о личности Чэнь Чаншэна, что заставило его быть в такой спешке. Он даже зашел так далеко, сделав что-то подобное вытягиванию корней, чтобы помочь Чэнь Чаншэну созреть быстрее, убеждаясь, что за короткий период двух лет он станет преемником Ортодоксии. Таким образом, когда Божественная Императрица начнет действовать, чтобы убить Чэнь Чаншэна, Ортодоксия должна будет защищать его. Альянс, который никогда не был крепким, естественно, распадется, Божественная Императрица потеряет своего самого большого приверженца, и Имперский клан Чэнь вернет трон!

Такое тривиальное дело, как прибытие Чэнь Чаншэна в столицу, разрушит мир Династии Великой Чжоу, который продержался почти двадцать лет!

Все говорят, что Святые относятся к миру, как в шахматной доске, играя фигурами без сожалений, но Шан Синчжоу смел использовать Святых, как шахматные фигуры, использовать наследие Ортодоксии, как средство. Что касается эмоций, опыта и сердец, эти вещи были подобраны и отброшены. Действительно экстраординарный заговорщик!

Конечно же, все это было выведено Чжоу Туном, потому что он тоже был заговорщиком.

Чем больше он восхищался Шан Синчжоу, тем больше сожаления он испытывал, он сожалел, что не убил Чэнь Чаншэна ранее.

«То, чего я хочу, - это не процесс, а результат».

Он стоял на каменных ступеньках и смотрел на своих подчиненных, склонившихся во дворе, улыбаясь, пока говорил: «Меня не волнует, какой анализ вы проведете и какие решения примете, я просто хочу видеть его мертвым».

Он не был извращенцем, так что, когда он казнил и пытал министров, он не вел себя намеренно нежно и утонченно и не держал застенчивую улыбку на своих губах. Когда он улыбался, это было преимущественно потому, что ситуация развивалась так, что это лишало его дара речи, настолько лишало дара речи, что он лишь мог горько улыбаться, как и сейчас.

«Он - живой человек, к тому же, известный человек, и превыше всего, он - больной человек... и, как оказывается, ни один из вас не может найти его?»

Чжоу Тун взглянул на своих подчиненных внизу, не говоря обо всем, о чем он подумал только что.

Лишь он знал, что Чэнь Чаншэн был человеком, который скоро умрет.

Будь он известным человеком, больным человеком, или тем, кто скоро умрет, если учесть все это, он был человеком, которого должно быть просто найти.

В Департаменте для Очищения Чиновников было несколько тысяч шпионов и даже больше осведомителей, но они потратили полночи и все еще не смогли найти этого человека.

Чжоу Тун был вынужден улыбнуться, встретив этот исход.

Видя улыбку на лице их лорда, ни один из служащих Департамента для Очищения Чиновников не расслабился, и никто не смел пытаться улыбнуться вместе с ним. Лица этих служащих были очень бледными, а их черные шляпы не могли преградить звездный свет, спускающийся с неба, из-за чего их лица казались особенно мрачными.

Чжоу Тун повернулся к служащему, который поклонился впереди, его улыбка сошла с его лица, и он спокойно подметил: «Имперский Двор платит тебе самую большую зарплату, так что у меня, естественно, наивысшие ожидания от тебя».

Этот служащий был высокопоставленным чиновником Департамента для Очищения Чиновников, и его задачей была разведка. Обычно он путешествовал без ограничений между различными министерствами, правительственными офисами и залами Ортодоксии. Он получал немалую меру уважения, но сейчас, когда его прямой начальник так безразлично выделил его, его тело сильно задрожало.

Когда ожидания были высокими, разочарование, естественно, тоже было большим. Он знал, что должен был что-то поделать, иначе Лорд Чжоу Тун неизбежно применит какой-то другой метод, чтобы он никогда не забывал о сегодняшнем провале.

Раздался хруст, это был звук ломающегося пальца!

Он решительно сломал мизинец на своей левой руке. Он явно был в боли - его лицо побледнело еще больше, а его голос дрожал.

«Этот жалкий служащий некомпетентен. Я прошу у Вашего Превосходительства еще один час. Я определенно найду этого человека!»

Чжоу Тун взглянул на служащего с неизменным выражением лица. С другой стороны, Чэн Цзюнь, который стоял сбоку, нахмурил брови. С его точки зрения, сломать мизинец вовсе не было доказательством решительности. Если бы эта кавалерия, облаченная в красное, которая была прямо под его командованием, он абсолютно потребовал бы у этого служащего отрубить руку.

По мнению Чэн Цзюня, Лорд Чжоу Тун был слишком сострадательным, требуя сломать лишь один палец, но с точки зрения этих служащих во дворе, это уже было невероятно очевидным и ужасающим предупреждением. Служащие стремительно покинули маленький двор. Ведя своих соответствующих подчиненных, они вновь рассредоточились в темноте столицы, чтобы начать их поиск, их действия и настроение были еще более поспешными и нервными, чем ранее.

«Прошло полночи, и все еще не было найдено и единой зацепки. Это говорит о том, что у него

действительно есть навык скрывать свои следы... в конце концов, он - следующий Поп».

Чэн Цзюнь последовал за Чжоу Туном в комнату, уважительно наливая ему чашку чая. Понизив голос, он сказал: «С моей точки зрения, скорее, чем наугад искать без какого-либо направления в уме, будет лучше найти, куда он хотел отправиться, покинув Ортодоксальную Академию, а затем отправиться туда заранее и создать для него ловушку».

В маленьком дворе в аллее Северного Военного Департамента были бесчисленные драгоценные чайные листья, но Чжоу Тун пил лишь один сорт чая, Великую Багровую Мантию, который производили на юге.

Прямо сейчас чай, который был в заварнике, был Великой Багровой Мантией. Так как он заваривался недостаточное время, чай, налитый в чашку, был более светлым.

Чжоу Тун взглянул на чай легкого оттенка в чаше и сказал: «Если было бы возможно угадать, куда он хотел отправиться, Дворец Ли не носился бы по столице в этот самый миг».

Чэн Цзюнь продемонстрировал коварную улыбку, говоря: «Тогда мы просто можем вынудить его появиться».

Взгляд Чжоу Туна был направлен на чашку, как будто, если он будет долго на нее смотреть, то чай в чашке приобретет более темный оттенок.

Когда он услышал предположение Чэн Цзюня, выражение его лица не изменилось. Он безразлично издал 'оо', а затем спросил: «Вынудить его как?»

Как наиболее злонамеренный из Восьми Тигров, Чэн Цзюнь обладал методами, которые всегда были простыми и жестокими.

«Даже если он хочет держаться далеко от бури в столице, у него все еще есть люди, о которых он заботится, - Чэн Цзюнь сжал зубы, а затем сказал, - давай пойдем и поймаем несколько из студентов Ортодоксальной Академии, захватим несколько из корабейников на Аллее Сотни Цветений. Мы отрубим руку или ногу и бросим отрубленные конечности на Улицу Алой Птицы. Я не верю, что он не услышит об этом».

Чжоу Тун внезапно улыбнулся, как будто чай в чашке действительно потемнел.

Богатая и ароматная Великая Багровая Мантия выглядела, как кровь.

Кровавый и жестокий не значили неэффективный. Чжоу Тун выглянул за дверь. Его собственные подчиненные проникнут в темноту с этим намерением, и можно было предположить, что не потребуется долгое время, чтобы эта довольно безумная весть распространилась по всей столице и достигла ушей Чэнь Чаншэна.

«Ты разве не думал, что это указывает на формальное начало войны с Дворцом Ли? Тогда, когда Чэнь Чаншэн прибыл, требуя вернуть его людей, кавалерия Ортодоксии окружила меня в этом месте».

Чжоу Тун улыбался, глядя на Чэн Цзюня, когда спрашивал, а его улыбка содержала какое-то невероятно глубокое значение.

Чэн Цзюнь понимал, что Чжоу Тун хотел знать, насколько целеустремленным он был.

Он отчетливо понимал, что он был в той же ситуации, что и Чжоу Тун. Если Божественная Императрица потеряет власть, для них останется лишь путь смерти.

Как следствие, он лично пришел в аллею Северного Военного Департамента сегодня вечером и, отбросив свою обычную настороженность, поместил облаченную в красное кавалерию под командование Департамента для Очищения Чиновников.

Он посмотрел на Чжоу Туна, сохраняя смиренный вид, но остро говоря с героический аурой: «Так как обе стороны не могут сосуществовать, мы не можем позволить им сделать и одного шага вперед!»

.....

.....

Никто не мог представить, что в это время Чэнь Чаншэн уже вернулся в Ортодоксальную Академию. Если быть точнее, он вернулся на аллею снаружи Ортодоксальной Академии.

Он был в полном неведении о кровавом решении, принятом в Департаменте для Очищения Чиновников.

Он пришел на Аллею Сотни Цветений не для защиты студентов Ортодоксальной Академии и корабейников в окружающей области от любых безнравственных методов Чжоу Туна в его безумии, а потому, что у него были другие дела, которые он должен был совершить.

Он стоял в тених Аллеи Сотни Цветений, глядя на мерцающие фигуры, принадлежащие людям Имперского Двора и Дворца Ли, и глядя на ту повозку у начала улицы, на которой были остановлены взгляды этих людей.

Прошлой осенью клан Тяньхай и новая фракция Ортодоксии с целью подавления Ортодоксальной Академии использовали предложение Боевой Демонстрации Всех Школ, чтобы отправить много экспертов и бросить вызов Ортодоксальной Академии, что было очень интересной историей. В то время он заметил повозку у въезда на улицу.

Эта повозка несомненно появлялась во время каждого матча.

Эта повозка никогда намеренно не скрывала свою идентичность. Все знали, что она принадлежала Департаменту для Очищения Чиновников.

Но просто знать о ней не было достаточно. Чжэсю особенно исследовал эту повозку, и информация, которую он получил, сейчас была в его уме.

.....

.....

Аллея Северного Военного Департамента вовсе не была узкой. В действительности, это была прямая улица, которая могла вместить две повозки бок о бок. Правительственный офис Департамента для Очищения Чиновников тоже был очень большим. Кроме коварной тюрьмы также были бесчисленные здания. Тот известный двор, в котором расцветали яблони, был в глубочайшей части. Достижение этого места с внешней стороны правительственного офиса потребует очень долгого времени и преодоления бесчисленных контрольных точек.

Повозка, возвращающаяся из Ортодоксальной Академии, прямо въехала в правительственный офис. Двигаясь по выложенным камнями дорогам внутри она преодолела эти контрольные точки, а эти яростные и ужасающие Церберы не проявили какой-то реакции. Наконец, повозка остановилась снаружи маленького двора.

Была поздняя ночь, но многие люди в столице находили невозможным заснуть. Тоже самое можно сказать и о людях внутри маленького двора.

Чжоу Тун и Чэн Цзюнь в настоящее время сидели и пили чай, но было тайной, могли ли они почувствовать настоящий вкус чая, учитывая их настроение.

Когда снаружи двора раздался слышался звук отчета, настроение Чэн Цзюня немного улучшилось.

Эта повозка несла с собой сведения о недавней ситуации вокруг Ортодоксальной Академии, то, о чем он глубоко заботился.

Дверь во двор распахнулась. Раздались звуки шагов, которые вскоре прекратились. Предположительно, служащий уже прекратил идти и остановился внутри двора.

Чэн Цзюнь повернул голову к двору и осознал, что этот служащий просто немного опустил голову, и казалось, что у него не было намерения добровольно давать отчет, так что он немного нахмурил брови.

Будучи важным министром Имперского Двора, он пользовался репутацией жестокого, но умелого руководителя. Он руководил с невероятной строгостью, и если бы это был один из его облаченных в красное кавалеристов, он бы определенно бросил в него чашку и запретил служащему двигаться...

Но это была аллея Северного Военного Департамента, так что это не была его сфера власти. Он казался грубым и безжалостным, но в действительности он был очень умным человеком. Он никогда не стал бы наказывать подчиненных Лорда Чжоу Туна в его присутствии. Как и мгновение назад, когда он почувствовал, что действие служащего Департамента для Очищения Чиновников, который сломал свой мизинец, было слишком легким наказанием, он ничего не сказал, так что он продолжит сохранять свое самообладание в это время.

Но в следующий миг он нашел невозможным сохранять свое самообладание.

Потому что служащий во дворе поднял голову.

Это было очень молодое лицо.

Чэн Цзюнь в шоке встал.

Чжоу Тун повернулся ко двору, его глаза сузились, и по его телу пробежался холодок.

Чэнь Чаншэн.

Посетителем был Чэнь Чаншэн.

Вся столица искала его, они искали его целую ночь, но ни один человек не мог найти его следы.

Ассасины и убийцы Департамента для Очищения Чиновников обыскали его по всей столице,

но он появился в Департаменте для Очищения Чиновников.

Что он планировал делать?

Чжоу Тун уставился на юношу во дворе, не говоря ни слова, пока медленно ставил чашку на стол.

Чай 'Великая Багровая Мантия' в чашке слишком долго заваривался, так что его цвет был богатым и ослепительным, как кровь.

Чэнь Чаншэн тихо смотрел на него, его правая рука поднималась, чтобы схватить рукоять меча на осеннем ветру.

В эту, казалось бы, бесконечную осеннюю ночь Чжоу Тун непрерывно искал его, желая убить его.

Кто бы мог подумать, что юноша тоже искал Чжоу Туна, желая убить его.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/173750>